

Последнее заключение

ХЕРШ
СМОЛЯР

Отрывок из книги «Где ты, товарищ Сидоров?»¹

Херш Смоляр (1905–1993) родился в бедной еврейской семье в небольшом польском городе Замбрув, который в то время входил в состав Российской империи. Когда Смоляру было 11 лет, он был вынужден бросить школу и пойти работать. Вскоре он примкнул к рабочему движению. По-видимому, на Смоляра повлиял его старший брат Натан – активист левой сионистской партии «Поалей Цион»². Впрочем, вскоре Херш Смоляр примкнул к большевикам; в 1918–1920 годах он руководил местной организацией еврейской социалистической молодежи, а в 1920-м, когда Красная армия в ходе советско-польской войны заняла Замбрув, стал членом местного Революционного комитета. После ухода красных в 1921 году Смоляр бежал из Польши в СССР.

Сперва 16-летний Смоляр поселился в Киеве, где начал активно публиковаться в местной еврейской прессе. Спустя два года его приняли в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, готовивший кадры для Коминтерна, и Смо-

Херш Смоляр (1905–1993) – еврейский писатель и журналист.

- ¹ Перевод осуществлен по изданию: SMOLAR H. *Vu bistu, haver Sidorov?* Tel-Aviv: I.L. Peretz Publishing House, 1975. Мы благодарим наследников Херша Смоляра за любезное разрешение на перевод. К сожалению, мы не можем выполнить их просьбу использовать в нашей публикации оригинальный вариант фамилии автора книги – Смолар (Smolar), а не Смоляр (Smoliar), как его стали называть после войны в советской прессе, так как именно под фамилией Смоляр наш герой вошел в научный и публицистический обиход на русском языке. – *Примеч. ред.*
- ² ETRAICH G. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt* // ETRAICH G., KRUTIKOV M. (Eds.). *Yiddish and the Left: Papers of the Third Mendel Friedman International Conference on Yiddish*. London: Routledge, 2001. P. 176.

АРХИВ «НЗ»

ляр переехал в Москву. Находясь в Москве, Смоляр неоднократно прерывал учебу из-за партийных заданий: его посылали то в Харьков, то в Умань для усиления местных кадров еврейских коммунистов³. В 1928 году Смоляру в качестве агента Коминтерна поручили вести подпольную деятельность в Западной Белоруссии, где коммунисты находилась под запретом.

Западная Белоруссия с 1921-го по 1939 год входила в состав получившей независимость Польши, где в 1926-м установился авторитарный режим Юзефа Пилсудского, который жестко преследовал оппозицию, прежде всего левую. Из одиннадцати лет в межвоенной Польше шесть Смоляр провел в тюрьмах. Последним местом его заключения стала тюрьма строгого режима в Бресте, куда помещались самые опасные для польского государства преступники. Предлагаемый ниже фрагмент из воспоминаний Смоляра посвящен его пребыванию в этой тюрьме и побегу оттуда. В брестской тюрьме содержались осужденные по Брестскому делу⁴ («за подготовку государственного переворота») председатели оппозиционных партий, коммунисты, белорусские и украинские националисты, среди которых был и Степан Бандера. Помещение брестского замка было полностью переоборудовано под тюрьму строгого режима и надежно охранялось. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. 13 сентября польские военные и власти оставили брестскую тюрьму и запертых в ней заключенных. Часть из них (среди которых был Смоляр) смогла сбежать, а часть осталась в камерах и была освобождена уже войсками вермахта 17 сентября. 22 сентября Брест, следуя секретному приложению к пакту Молотова-Риббентропа, был передан советским властям, которые продолжили пользоваться тюрьмой.

После побега из брестской тюрьмы Смоляр добрался до советской территории. У него не было документов, удостоверяющих личность, так что к нему отнеслись с подозрением: долго допрашивали и не хотели пропускать. Смоляру помог старый партийный товарищ, узнавший его и за него поручившийся. Позднее он сказал Смоляру, что тому повезло «сидеть там», потому что «здесь» он бы уже «лежал», намекая на репрессии 1937–1938 годов⁵. У него были основания для этих слов: многие советские коммунисты из польских евреев были арестованы и расстреляны во время Большого террора⁶. Позднее Смоляр узнал, что в его деле в советском архиве в Минске хранилась

3 ETRAJKN G. "Smolar, Hersh" // *The Yivo Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. New Haven: Yale University Press, 2008. P. 1764–1765.

4 Судебный процесс против руководства центристских и левых партий Польской республики, входивших в блок «Центролев». Проходил с 26 октября 1931 года по 13 января 1932 года в Варшавском окружном суде и стал одним из крупнейших политических процессов довоенной Польши.

5 SMOLAR H. *Op. cit.* S. 156.

6 ETRAJKN G. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt*. P. 177.

телеграмма от 1937 года, в которой говорится, что его разыскивают как тайного польского шпиона⁷.

В 1940 году Смоляр оказался в Белостоке, столице Западной Белоруссии, по приглашению с гитлеровской Германией захваченной СССР. Город в то время был местом сосредоточения польско-еврейских писателей, бежавших на советскую территорию из оккупированной нацистами Польши. В Белостоке Смоляр занимался изданием коммунистической газеты на идише «Белостокер штерн» («Белостокская звезда»). Там же Смоляр встретил свою будущую жену Валентину Найдуса (1909–2004) – сестру поэта Льва Найдуса. Во время нападения Германии на СССР Смоляр находился в Минске, и его семье удалось эвакуироваться. Когда немцы заняли город, Смоляр оказался в гетто, где возглавил подпольную боевую организацию. Позднее ему удалось уйти из Минска, и он примкнул к местным партизанам. Уже после Второй мировой, в 1946 году, в Москве были опубликованы воспоминания Смоляра «Fun Minsker geto» («Из Минского гетто»; в русском переводе книга известна как «Мстители гетто») – одно из немногих произведений на русском языке, затрагивающих тему еврейского сопротивления. Находясь в партизанском отряде, Смоляр занимался выпуском газет на русском и идише.

В 1946-м вместе с женой Смоляр вернулся в Польшу, где занимал ключевые посты в Центральном комитете польских евреев⁸ и общественно-культурном обществе евреев в Польше⁹. До 1968 года Смоляр был главным редактором идишеязычной газеты «Folks-shtime» («Глас народа»)¹⁰. Эта газета имела особое значение как для Польши, еврейское население которой было почти полностью уничтожено во время Холокоста, так и для СССР, где до 1961 года (основание журнала «Советиш Геймланд») литературная жизнь на идише сохранялась только в Биробиджане – столице Еврейской автономной области. Статья Смоляра «Undzer veytik un undzer treyst» («Наша боль и наше утешение»), опубликованная в «Folks-shtime» в 1956 году (после доклада Никиты Хрущева о «культе личности»), пролила свет на то, как в ходе сталинских репрессий были уничтожены ключевые организации и деятели советской культуры на идиш в 1948–1952 годах. В 1968-м в ходе антисемитской кампании

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

7 SMOLAR H. *Op. cit.* S. 253.

8 Центральный комитет польских евреев (1944–1950) – культурно-просветительская, благотворительная, образовательная и представительная организация польских евреев, выживших после Холокоста в Польше.

9 Общественно-культурное общество евреев в Польше – общественная еврейская организация в Польше, целью которой является удовлетворение культурных потребностей еврейской общины страны, ее представительство в официальных органах, развитие литературных, научных и художественных знаний, сохранение идиша и охрана еврейского наследия. Общество было основано в 1950 году и существует по сей день.

10 «Folks-shtime» – главный печатный орган евреев в послевоенной Польше (1946–1991). Газета выходила на идиш и на польском языках.

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

в Польше Смоляр был уволен со всех постов и исключен из партии, а его сыновья были даже арестованы.

В 1971 году Смоляр эмигрировал в Израиль, его жена и дети не последовали за ним и остались в Польше. В Израиле он работал в Иерусалимской национальной библиотеке, преподавал в Тель-Авивском университете, занимался написанием новых трудов и редактированием старых. Воспоминания «*Vu bistu, khaver Sidorov?*» («Где ты, товарищ Сидоров?»), отрывком из которых является глава «Последнее заключение», были написаны и изданы уже в Израиле. Смоляр скончался в Тель-Авиве в 1993 году.

Херш Смоляр прожил насыщенную жизнь: ярый коммунист с юных лет, агент Коминтерна, занимавшийся подпольной деятельностью в Польше и проведший в заключении шесть лет, активный участник Сопротивления в Минском гетто, партизан, главный редактор газеты «*Folks-shtime*», оказавшей значительное влияние на восстановление еврейской литературной жизни в ПНР и СССР, автор статьи, приоткрывшей миру правду об уничтожении Еврейского антифашистского комитета. С 1968 года жизнь Смоляра изменилась кардинальным образом: изгнанный из партии, которой он посвятил многие годы, уволенный со всех постов, он уехал в Израиль, находившийся по ту сторону «железного занавеса». Тем не менее Смоляр остался коммунистом, правда, в собственной трактовке коммунизма, не принимая советской идеологии¹¹. Его автобиографическая книга «*Vu bistu, khaver Sidorov?*» является интереснейшим источником идеологической, политической и культурной истории прошлого века.

[Ася Лейдерман]

* * *

Я думал, что так плохо, как было политическим заключенным посреди глухих толстых стен средневековой гродненской тюрьмы, быть уже нигде не может.

Чтобы уничтожить нашу тюремную организацию и сломить в нас достоинство политзаключенных, гродненская администрация устроила внезапное нападение, во время которого нас осыпали ударами и отобрали наши вещи, принудив переодеться в вонючие лохмотья уголовников. Еще они попробовали заставить нас работать. Я сидел вместе с белорусским интеллигентом Петром Радзюком¹², который был старостой гродненской коммуны. Когда его после подавления нашего всеобщего

11 ЕСТРАІКН Г. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt*. Р. 197.

12 Петр Радзюк – член Коммунистической партии Западной Белоруссии, главный редактор легально издававшегося в Вильно белорусского сатирического журнала «Асва» (Оса), который был закрыт в 1934 году, после чего Радзюка приговорили к шести годам тюрьмы. *Здесь и далее примеч. перев.*

протеста против тюремного террора перевели обратно в камеру, его красивое благородное лицо было иссиня-черным, а тело сплошь покрыто синяками и ссадинами. В коммуне слышались голоса о том, что молчать больше нельзя, терять уже ничего, нужно выходить на борьбу. Приходилось в самых тяжелых условиях бесконечно убеждать товарищей, что подобный поступок будет как раз на руку тюремным сатрапам. С «воли» помощи можно было уже не ждать, потому что не было больше ни партии, ни «красной помощи». Опирались лишь на собственные силы в перспективе означало возможность столкнуться с еще более суровыми репрессиями.

За такую позицию меня сильно критиковала Соня Мадейскер¹³, член тюремного комитета, впоследствии героиня виленского гетто, зачастую пользуясь при этом... туалетным «телефоном». Она считала меня пропащим оппортунистом, который нарушает законы борьбы против фашизма.

Как ни тяжело это было в условиях гродненской тюрьмы, мы все же вели широкую политическую образовательную работу. В нашу коммуну тогда входили белорусские поэты Филипп Пестрак¹⁴, Валентин Тавлай¹⁵ и талантливый журналист Яков Миско¹⁶, вместе с которыми мы по ночам, накрывшись одеялами, залезали под нары и в полутьме писали отчеты, готовили программы для литературных «мероприятий» и тезисы для дискуссий на философские, экономические и исторические темы. Из рук в руки переходили стихи наших поэтов, которые декламировались во время революционных праздников. Такая работа укрепляла в политических заключенных мужество и цементировала коммуну.

Мы готовились встретить новый 1939 год. Уже подготовили отчет с итогами уходящего года и прогнозами на следующий – как обычно, ободряющими. Внезапно рано утром, за день до нового года мне приказали собирать вещи и – по этапу. Куда? Никто не знал. В тюремной камере специального вагона для заключенных меня приковали к старому революционеру Тео-

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

13 Соня Мадейскер (1914–1944) – уроженка Вильно, активный член Коммунистической партии Польши, в годы Великой Отечественной войны, участница еврейского партизанского движения.

14 Филипп Семенович Пестрак (1903–1978) – советский белорусский писатель, деятель национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. В 1929 году арестован и осужден на пять лет тюрьмы. В общей сложности провел в заключении 11 лет.

15 Валентин Павлович Тавлай (1914–1947) – белорусский советский поэт, критик, публицист, переводчик, общественно-политический деятель, участник национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. За подпольную работу неоднократно арестовывался польскими властями. В 1939 году, накануне прихода РККА, был приговорен к расстрелу. Впоследствии член Союза писателей СССР (1941) и участник Великой Отечественной войны.

16 Якуб Герасимович Миско (1911–1981) – белорусский прозаик, публицист, журналист, поэт, переводчик, критик. В 1932–1934 годах работал в главном секретариате организации «Змаганне», в 1933–1934-м руководитель редакции виленской «Беларуской газеты» (до № 6), легального издания Коммунистической партии Западной Белоруссии. В 1930-е неоднократно подвергался арестам польских властей, провел несколько лет в тюрьме.

дору Ковалевскому и молодому деревенскому бойцу Григорию Жуку. Мы договорились, что в какую бы тюрьму нас ни привезли, мы втроем должны попытаться установить друг с другом связь. Для конспирации мы решили, что Теодора будут звать «Пять», Гришку – «Десять», а меня – «Пятнадцать».

Сутки мы простояли на какой-то большой станции. Кажется, кто-то заметил надпись «Брест». Вскоре вагонный «телефон» передал это всем. В памяти всплыла брестская тюрьма, где палач-воевода Костек-Бернацкий¹⁷ по прямому указу Пилсудского пытал членов ППС¹⁸, крестьянских партий и других оппозиционеров. Вскоре нас выставили по трое в ряд – так же, как мы были прикованы друг к другу. Мы шагали по сонным брестским улицам, где лишь изредка попадались случайные прохожие, стройным четким шагом, как во время демонстрации, чтобы разбудить народ. Пусть о нашем прибытии узнают...

Нас поместили в новое здание, которое еще достраивалось. Высокие каменные стены снаружи не выглядели как тюремные. Они были обложены маленькими красными кирпичиками, которые смягчали суровый вид непрозрачных окон с плотными решетками. Центральный коридор, где нас выстроили, был широким и длинным. Оттуда, как в тюрьме Синг Синг¹⁹, были видны камеры на всех этажах.

В сопровождении офицеров и рядовых охранников показалось небольшое существо со светлыми волосами и тупым животным видом. Оно представилось как начальник тюрьмы и произнесло краткую речь:

«Это совсем новое здание, которое было построено по последнему слову техники. Оно еще не просохло. Стены вы просушите уже своими костями. Из этой тюрьмы выходят либо “исправившимися”, “освобожденными” от коммунистических идей, либо мертвыми. Выбор зависит от вас. Режим в тюрьме соответствующий. Ни зимой, ни летом окна открывать нельзя. Ближе к ним не подходить. Все должны носить тюремную форму, всегда застегнутую. Если слышно, что кто-то идет по коридору, все заключенные должны встать лицом к стене. Никаких газет, книг и тетрадей. Никаких передач с воли. Никаких прогулок также не будет. Двора еще нет... При малейшей попытке установить связь друг с другом – карцер. И не как где-нибудь на сутки, а на целую неделю или дольше».

Нас разделили по камерам. Там мы встретили заключенных из других варшавских тюрем. Оказалось, что самое новое

17 Вацлав Костек-Бернацкий (1884–1957) – в 1930-м был назначен комендантом Брестской крепости. В 1932 году занимал должность Полесского воеводы. На этом посту Костек-Бернацкий стал известен созданием концентрационного лагеря в Березе-Картузской со специальным режимом для политзаключенных.

18 Польская социалистическая партия (Polska partia socjalistyczna – PPS, 1892–1948), деятельность которой была запрещена в Польской Республике.

19 Синг Синг – тюрьма строгого режима в штате Нью-Йорк, США.

(и последнее) творение режима Санации²⁰, недавно отстроенная брестская тюрьма, предназначалась только для политических рецидивистов. У каждого из нас за плечами уже был отсиженный срок. По опыту тех, кого перевели сюда раньше, режим здесь был похож на «порядок» в соседнем концлагере Береза-Картузская²¹.

С чего начать? Прежде всего установить связь между собой. Как именно, если на прогулку нас в ближайшее время не выведут, а туалет, куда нас водят, залит цементом, так что некуда вставить записку, и каждый раз, после похода туда проводится досмотр?

Я начинаю искать через тюремный телеграф «Пятого» и «Десятого» – на нашей стороне их нет. Вместе со мной в камере сидели бывший член секретариата Коммунистического союза молодежи Польши Юзеф Кофман и деятель крестьянской партии. Вместе мы решили рекомендовать ближайшим соседям каждый раз, когда они видят кого-то из администрации, говорить о праве на прогулку, на получение еды с воли и написание писем, чтобы успокоить наши семьи, которые не знают, где мы находимся. Эти рекомендации, как мы узнали спустя месяцы, различными способами дошли до всех этажей в качестве директивы. У всех возникла уверенность, что, несмотря на строгую изоляцию, в новой тюрьме уже возник тюремный комитет, решения которого нужно исполнять... Тюремная администрация тоже вскоре почувствовала, что начинает развиваться закономерное единство политических заключенных. Тогда нас начали одного за другим переводить в другие камеры, чтобы таким образом разорвать контакты. Часть людей поместили в особый изолированный флигель, где находились только одиночные камеры. Туда поместили приговоренного к 15 годам тюремного заключения Александра Завадского²² (впоследствии председателя Государственного совета Польши) и уже упомянутого молодого активиста Юзефа Кофмана.

Нам ни разу не удалось пробиться сквозь эту тотальную изоляцию. Принимать решения, даже самые важные, приходилось только на собственную ответственность. Некоторых послаблений мы все же добились. Время от времени нас группа-

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

20 «Режимом Санации» называли систему власти, установленную Пилсудским в Польше с середины 1920-х.

21 Береза-Картузская – концентрационный лагерь, созданный властями Польской Республики в 1934 году в одноименном городе на территории Западной Белоруссии в качестве места внесудебного интернирования противников правящего режима. С 1934-го по 1939 год в нем содержались по обвинению в антигосударственной деятельности противники режима: коммунисты; деятели еврейского, украинского и белорусского национальных движений; польские политические оппоненты Юзефа Пилсудского.

22 Александр Завадский (1899–1964) – польский государственный и военный деятель, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики в 1952–1964 годах. В 1920–1930-х принимал активное участие в борьбе с режимом Пилсудского, за что неоднократно арестовывался и провел в тюрьме свыше 11 лет.

ми выводили на короткие прогулки во двор, где была свалена куча строительных материалов. Но было в этом одно преимущество: мы гуляли не по кругу, как в других тюрьмах, а вперед–назад, и каждый раз во время разворота удавалось сказать другому несколько слов.

Нам было запрещено получать газеты, и мы даже не знали о нападении Гитлера на Польшу. Узнали об этом мы только тогда, когда на больницу по соседству с нашей тюрьмой упали первые бомбы. Нам дали знать, насколько велика опасность... сами гитлеровцы. Оказалось, что прямо перед 1 сентября 1939 года полиция провела ряд арестов среди членов многочисленных прогитлеровских организаций в Польше. Несколько сотен нацистов посадили в брестскую тюрьму, и во время налета немецкой авиации они разбили тюремное окно и громко кричали «Хайль Гитлер!».

День ото дня дисциплина в тюрьме падала. Мы больше не становились лицом к стене, слышав шаги в коридоре. Во время всех налетов гитлеровской авиации охранники исчезали из коридора, чтобы спрятаться в подвалах. Тогда мы впервые осмелились приоткрыть окно и выглянуть в тюремный двор. Мы увидели много автомобилей, бочки с бензином и высшее руководство в зеленых тюремных мундирах, которое возились у машин, видимо, готовясь уехать.

Посоветовавшись с нашими ближайшими соседями, мы решили потребовать вызвать к нам начальника тюрьмы. Это должен был сделать студент-еврей из Белостока Голдберг, который сидел справа от нашей камеры. Ожидание длилось недолго, и вскоре пришел начальник в сопровождении высокопоставленных служащих. Студент передал наше решение вступить в польскую армию, чтобы вместе со всеми сражаться против Гитлера. В качестве доказательства нашей позиции мы передаем все деньги, который каждый из нас внес как тюремный депозит, в защитный фонд. Начальник, уже без своего обычного заносчивого тона, тотчас отклонил наше предложение, махнув рукой – мол, «обойдемся без вас», и тихими кошачьими шагами вышел из камеры.

Однажды утром мы увидели, что на смотровой башне стоит не тюремный охранник, а обычный солдат – и к тому же не особо молодой. Мы решили аккуратно завести с ним разговор и расспросить его, что слышно. Но на наши слова вооруженный солдат никак не отреагировал, даже не повернулся в нашу сторону. Мы заметили женщину по ту сторону тюремного забора и принялись кричать ей: «Позовите людей, пусть нас выпустят! Не отдавайте нас гитлеровцам!»

В тот день мы уже не получили обеда. До обеда мы начали стучать в дверь и звать охранников. Но никто не ответил.

Это значит, что мы остались одни, нас оставили врагу. Мы выглянули из окна – солдат тоже исчез. Мы принялись кричать всем заключенным: «Товарищи, ломайте двери! Охраны больше нет! Гитлеровцы близко!» – и вскоре мы взяли длинную тяжелую скамью из нашей камеры и начали проламывать ею дверь. Стук по всей тюрьме все усиливался. В одной из камер уже удалось пробить дверь. Кто-то нашел связку ключей и начал открывать одну камеру за другой. С третьего этажа неистовым голосом кричат: «Товарищи, это провокация! Нас всех до единого перебьют! Оставайтесь на местах». На это мы отвечаем: «Все собираемся в тюремном дворе. Скоро придет решение руководства!»

В особых камерах сидели преступники-рецидивисты. Их наши товарищи тоже выпустили. Опытные «сидельцы», они первым делом бросились забирать тюремный депозит, лучшую одежду, часы и другие ценные вещи и поспешили скрыться. Во дворе тюрьмы мы вчетвером – Александр Завадский, Юзеф Кофман, Тацяй и я – совещались, что делать дальше. Посреди разговора мы увидели, что к нам приближается заключенный, которого ведут под руку два сопровождающих. Он представляется: *Бандера*. Он выглядит тяжело больным. Мы знаем, что собой представляет этот предводитель украинских националистических террористических организаций. На его вопрос: «Что мы делаем дальше?» – ему отвечает старый украинский революционер Тацяй: «Что мы будем делать, нам известно. Но с вами нам сейчас не по пути». Группа украинских террористов отвела своего вождя в сторону. В Бресте он дождался гитлеровцев, чтобы начать свой кровавый путь борьбы вместе с оккупантами против партизанского движения.

Между собой мы быстро пришли к соглашению, что мы все тотчас выдвигаемся к Брестской крепости, чтобы вступить в армию. Это решение мы сообщили всем. Мы сразу же двинулись по направлению к крепости. Улицы были совсем пустыми. Мы встретили несколько солдат и капитана верхом на лошади. Он остановил нас и спросил, куда мы идем и откуда. Нашим ответом он был невероятно удивлен. В крепости уже никого нет. Гитлеровцы в 20 километрах от Бреста. Он посоветовал нам как можно скорее убираться отсюда.

Мы снова совещались – и внезапно среди нас возникли расхождения. Завадский считал (и Кофман был с ним согласен), что нужно двигаться к советской границе. Тацяй и я полагали, что нужно пробираться окрестными лесами по направлению к «Красной Воляни» и там, «на базе», решить, что мы делаем дальше. Оба предложения мы передали товарищам, на которых еще была тюремная униформа. Мы разделились. Большинство пошло с нами. Остальные выбрали направление на Пинск.

Три дня мы провели в лесах. Местные крестьяне давали нам еду и какую-то одежду. Начали появляться бывшие политзаключенные из других тюрем, из лагеря в Березе-Картузской. Откуда-то принесли радио, и так мы узнали, что 17 сентября советская армия перешла бывшую границу с Польшей. Лесами мы ушли к Ковелю.

В этом городе нас приняли очень дружелюбно, выделили место в доме, который был предназначен для бывших политических заключенных, снабдили едой и сразу подключили к работе по созданию новых органов власти. По опыту 1920 года местные товарищи во главе с бывшим политзаключенным Захидным учредили Ревком. Все его члены «исполняли свои обязанности» в тюремной одежде, пока не поступил приказ от советских органов, что ни Ревком, ни местная инициатива не нужны. Специальные присланные люди из СССР повсеместно создают временные городские управления.

При всей доброжелательности со стороны местных жителей в Ковеле я чувствовал себя чужим. Мне хотелось как можно скорее оказаться в Вильно, встретиться со старыми товарищами и вместе с ними решить, что делать дальше. Но добраться до Вильно тогда было непростым делом. Нужно было ехать до Луцка и там в военной комендатуре получить разрешение.

Казалось уже, что разрешения я не получу. В глазах лейтенанта, который записывал мои ответы, я заметил большое подозрение. Чего стоят все мои рассказы, если при мне нет ни партийного билета, ни клочка какой-нибудь другой «бумажки» – поди поверь ему.

Из соседней комнаты вышел светловолосый полноватый майор, который начал прислушиваться к моим ответам. Внезапно он прервал меня неожиданным вопросом: «Скажите мне, товарищ, это вы или нет?» – и назвал меня по имени и фамилии. Я внимательно на него посмотрел и узнал моего старого товарища Емельяна – Милку, как мы называли его в киевском губернском комитете комсомола. Он сразу отвел меня к себе в кабинет, и мы начали разговаривать о наших жизненных путях, с тех пор как они разошлись в середине 1920-х. Перед тем, как попрощаться, Милка обнял меня и прошептал на ухо ужасную тайну: «Какое счастье, – сказал он, – что ты там сидел. У нас бы ты лежал».

Перевод с идиш Аси Лейдерман